

**И. А. ГРИНЕВСКАЯ
ПУТЕШЕСТВИЕ В КРАЯ СОЛНЦА
(О ВИДЕННОМ, СЛЫШАННОМ И ИСПЫТАННОМ)**

(Продолжение)

(*Публикация Е. А. Митник*)

Аннотация: Настоящая публикация – продолжение очерка И. А. Гриневской (1864–1944) «Путешествие в Края Солнца» <1911–1914>. Эти путевые заметки дают представление о том жизненном и творческом опыте, который обрела писательница, побывав в Турции, Греции, Египте и Палестине, познакомившись там с благородными личностями – носителями идей ее религиозно-исторических поэм. Размышляя на страницах очерка «о судьбах мира», автор с метким юмором описывает бытовой уклад столь разных жителей Востока и Запада, но вместе с тем столь похожих.

Ключевые слова: И. А. Гриневская, «Путешествие в Края Солнца», пророки Баб и Беха-Улла (Бахаулла), бабиды-бехаиды (бахай), Восток и Европа, политика, Греция древняя и начала XX в.

Abstract: This publication is a continuation of the essay by I. A. Grinevskaia (1864–1944) «Journey to the Lands of the Sun» <1911–1914>. These travel notes convey something of the experience and creative impulse the writer acquired when she visited Turkey, Greece, Egypt, and Palestine to meet the high-minded individuals whose ideas had inspired her religious and historical poems. Reflecting on «the fate of the world» on the pages of her essay, the author employs keen humor to describe the morals and manners of the peoples of the East and West – so different from each other, and yet so similar.

Key words: I. A. Grinevskaia, «Journey to the Lands of the Sun», the prophets Báb and Bahá'u'lláh, Bábís-Bahá'ís, East and Europe, politics, Ancient Greece and Greece of the early 20th century.

Настоящая публикация – продолжение очерка И. А. Гриневской (1864–1944) «Путешествие в Края Солнца»¹ (главы VII–VIII).

Над этим сочинением² писательница трудилась с 1911 по 1914 г., однако авторские сноски дают нам понять, что она возвращалась к нему на протяжении многих лет (см., например, ссылки в очерке на 1928 г.: РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 10, л. 143, 302).

Современники Гриневской отдавали должное ее многогранному таланту. Г. С. Веселитский-Божидарович в письме от 21 авг. (3 сент.) 1905 г. так вос-

¹ См.: *Гриневская И. А.* Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб., 2017. С. 434–491.

² Подробнее см.: *Митник Е. А.* Неизвестные материалы Изабеллы Гриневской: «Путешествие в Края Солнца» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 246–267.

хищался ее поэтическим даром: «Что за высокое произведение... Какое соединение редчайших достоинств... Нельзя их перечислить. Какую громадную сумму труда представляет поэма. Столь глубокое знание языка и какая власть над ним. Это язык Пушкина и Лермонтова, скорее Пушкина – по простоте и ясности, но некоторые стихи имеют Лермонтовский полет и блеск. Это тем удивительнее, что у Вас легкий нерусский акцент и Вы ищете слова для точного выражения Вашей мысли. Работа, следоват<ельно>, Вам не могла быть легкою. Как же могли Вы достичь такого обладания языком, чтобы выражать, ясным и звучным стихом, политические и социалистические понятия, этические и богословско-метафизические понятия. Из “Баба”, как из “Фауста”, можно было бы брать по строке для каждого дня, для каждого случая в жизни».³

Текстологическое исследование машинописи «Путешествия в Край Солнца» и других документов из архива И. А. Гриневской показало, что и эта работа «не могла быть легкою» для нее.

В комментариях мы попытались прояснить неоднозначные высказывания; сообщили фактические сведения, необходимые для понимания очерка. В основной текст были внесены только явные опечатки.

Автору присущ разноречивый в написании собственных имен. Так, имя Абдул-Баха (совр. написание) Гриневская транскрибирует по-разному, но чаще всего используется – «Абдул-Беха», чем мы и руководствовались, унифицируя по всему тексту это имя. Подобным образом мы поступали и в отношении других имен.

При наборе текста мы столкнулись с тем, что от времени выцвели чернила. Это весьма затрудняло прочтение машинописи, а подчас делало и невозможным, как, например, на вклейке с рукописной вставкой М. А. Мамедханлы⁴ (л. 15). Он состоял в длительной переписке с И. Гриневской и сопровождал ее в поездке на Восток. Этот ревностный бахаи читал некоторые ее сочинения (в частности, трагедию «Беха-Улла») на стадии подготовки к печати и давал ценные советы, стремясь к достоверности ее религиозно-исторических произведений. Он переводил для Гриневской с персидского языка письма Абдул-Баха к ней (см.: РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, № 244 и № 785, л. 166 об.–169). Когда мы впервые познакомились с машинописью ее очерковой книги (в нач. 2000-х гг.), чернила были более четкими, и мы тогда успели зафиксировать текст. Однако спустя 3 года центральную часть упомянутой вставки было уже практически не разобрать.

Кстати, по совету Мирзы Алекпера, писательница исправила в очерке некоторые слова и фразы, как например: «среди женщин **нового мусульманского** бехаидского мира»⁵ (л. 177).

³ Цит. по: РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 13, л. 35 (публикуется впервые). Следует отметить что в комментариях к «Путешествию в Край Солнца» также впервые были опубликованы некоторые выдержки из переписки И. Гриневской (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. С. 487–489), что планируется делать и в дальнейшем.

⁴ Современным бахаи он известен под именем Мирза Али Акбар Нахджавани.

⁵ Исправление отнюдь не стилистического, а содержательного характера.

«Путешествие в Края Солнца» печатается по машинописи с правкой писательницы (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 10). Текст очерка приводится в соответствии с современными нормами орфографии, с сохранением отдельных пунктуационных особенностей оригинала. Трудночитаемые слова, сокращения и предполагаемые пропуски восстановлены в угловых скобках.

Приносим глубокую благодарность Ю. А. Иоаннесяну за научное консультирование, С. Ю. Митнику – за перевод фраз с французского языка (неразборчиво вписанных автором в машинописный текст), а также К. Поппу, Ш. Фаттахову, М. Шипли, И. Г. Верещагину, О. К. Мехтиевой, сотрудникам Рукописного отдела Пушкинского Дома и общине бахаи – за всемерную помощь.

И. А. Гриневская.
Путешествие в Края Солнца
(о виденном, слышанном и испытанном)

(Продолжение)

Глава VII

В Мраморном море. – Сон. – Греки на пароходе. – Куда едут и зачем некоторые греки. – «Политика». – Рассказ грека о «гражданской войне» в Греции из-за языка. – Праздные разговоры. – Кто были прежние греки. – Что такое морская зыбь. – Как мы развлекались во время переезда из Константинополя в Афины. – Пять дней карантина. – У островка близ Саламина. – Прогулки на островке. – Церковь на островке. – Решение польского вопроса на островке польскими девицами и русскими кавалерами. – Греческая харчевня. – Савва. – Жалоба грека на новые порядки в Турции. – Разговор с греком о русской литературе. – Беседа о Саламинской битве.

Возвращаюсь к впечатлениям о водах Мраморного моря.

Слишком усиленные занятия и хлопоты перед отъездом, волнующее меня чтение моей трагедии¹ моему спутнику, наконец, обилие новых впечатлений – раздражают мой мозг. Сон мой тревожен и полон грез.

«Мореплаватели» суеверны, и посещающие меня сны пугают меня.

Мир усопших открывается предо мной и точно врывается в мою жизнь. Как будто бы живой предо мною предстал умерший, а вместе с ним и живой сын его. Проснувшись, я подумала, случилось бедствие с этим живым, никогда не знавшим беды, человеком. А ведь сон был вещим. Вы смеетесь? Но ведь и сны, их сущность еще не вполне разгаданы. Почему-то из далеких краев потустороннего мира витал усопший вокруг меня, как бы с мольбой в те дни, когда готовилась беда для близкого ему существа. Кто знает? В моей записной книге сон этот отмечен ночью с 14 на 15 декабря ст<арого> ст<иля>, т. е. 28 дек<абря> нов<ого> ст<иля> (1910 г. – *Е. М.*).

А вот одна из грез...

Почернели вод глубины
И грозят издалека.
Вот, вот черная рука
Потянулась из пучины.
Колесо схватив машины,
Тянет пароход на дно...
Тянет вниз могучей силой.
Сердце ужасом полно.
Вижу вдруг я сквозь окно... –
Встала из своей могилы
Мать моя... о да... она...
Плачет горько... Слез потоки
Льются по щекам. Бледна...
Молит Бога: «Мать далека,
Но в беде я не одна...

Не одна, не одинока.
Думаю, восстав от сна...
Вот прошла гроза ночная...
Мне бедой грозила ночь,
Мать беду прогнала прочь.
Встала бодрою со сна я...
Кто б мне мог в беде помочь...
Коль не ты... моя родная...

Как я узнала, – нам в эту ночь грозила беда. Море бушевало и предвещало катастрофу...

Страшный сон рассеивается впечатлениями дня. На пароход сели из Константинополя новые пассажиры, большей частью греки. Некоторые из них носят фески. Все почти говорят по-французски. Среди греков выделяются два молодых человека: сыновья купцов, торгующих мехами.

– Они едут в Афины, оттуда в Америку, – рассказывает один их соотечественник. – В Америке у них родственник. Они уезжают, чтобы избежать военной службы в турецкой армии. Новый режим требует всех подданных к отбыванию воинской повинности, но так как тенденция его – усиление турецкой национальности, то <в> войсках служить теперь будет особенно затруднительно христианским народностям. Оттого теперь в Турции все бегут от воинской службы.

– Как? Вы недовольны новым либеральным режимом?

– Нам не дают в наших школах проходить предметы на нашем языке, – говорит один из греков, севших на пароход.

Младотурки знают, о чем думают в Стамбуле, Скутари и Эюбе, и потому, вместе с установлением европейского парламентского правления – сугубо стоят за народную старину, за усиление и расширение турецкой национальности, за отуречение подвластных народностей. Они хотят быть *plu<s> royaliste que le roi*.² Очевидно, оппозиция граждан из Стамбула, Скутари и Эюба страшнее для их власти недовольства греков, армян и др<угих>, и в угоду первым ни за что не отменяют или не введут то, что они сами считают, быть может, возможным и нужным.

«Политика». Бог с нею, не правда ли? Но политика – это история последнего момента, последний результат всего предшествовавшего в стране. Нельзя не говорить о ней, когда на нее натываешься повсюду, когда она входит в поры, как воздух.

И вот еще о политике.

– Теперь, – говорит грек, – мы сами ведем гражданскую войну за язык. Ученые-националисты не хотят, чтобы наши классики переводились на современный греческий язык. Правда, мы потомки славных предков, но раз язык подвергся изменению, то что делать? Раз внуки перестали понимать своих дедов на том языке, на каком они говорили, так неужели же за это надо внуков лишать всякой возможности понимать предков? Главное, надо знать, не как говорили, а как мыслили, как действовали великие герои...

– Ну да... да... конечно, да...

– Язык подвергается изменениям, получает новые элементы, как поток, в который впадают на протяжении пути новые притоки. Ему не вернуться вспять к месту выхода, не получить первоначальный свой состав.

– О, да... И народ победит, а не ученые крысы.

– Они все думают, что они потомки древних афинских и спартанских героев. Они забывают, что эти герои покорили много других народностей и приволокли побежденных в Грецию в качестве рабов.

– Ну да... Приучая побежденных к арабским нравам и смешавшись с рабами, они мало-помалу привили народу Греции малодушие рабства. И вот причина их поражений, – замечает кто-то.

– Все же, – говорю я, – и эти, т<ак> н<азываемые> рабы, были некогда вольными свободными героями, от которых только отвернулось счастье...

Днем мы продолжали чтение. По вечерам пассажиры разбиваются на группы. Одни на палубе весело беседуют. Иные в рубке играют в карты с бравым капитаном, а в столовой помощник капитана рассказывает всевозможные случаи с пароходами во время бурь. «Всего страшнее мертвая зыбь».

– А что такое мертвая зыбь?.. – спрашиваю.

– Это оставшаяся прежняя буря. Не улегшееся волнение, когда на него налетает новый шквал, тогда пароход качает во все стороны, – объясняет моряк.

«Да, – думаю я, – мертвая зыбь всего страшнее...»

– Наш капитан выйдет из всяких затруднительных обстоятельств. Раз было так, что пароход застрел зимою, в январе, в Черном море. Лед оковал его. Все части парохода покрылись панцирем льда, а знаете, когда ледяной покров становится тяжелее судна, оно идет ко дну. Приходилось горячей водой обливать борта и другие его части. Все-таки мы выбрались, – рассказывает хвастливо влюбленный в капитана молодой морской волк.

Дамы слушают этот последний рассказ без страха за судьбу парохода. Слава Богу – о зиме и льде нет и помина, хотя по календарю и числилась зима. Теплые ясные дни сменялись чудными вечерами и звездными ночами.

Я слушаю рассказы морского волчонка, применяя рассказанное к житейским бурям, и думаю: да, из всякой беды, в сущности, можно выпутаться: не скоро тонет житейский корабль. Заключение об этом я вынесла еще в юности при чтении <книги> «Фрегат “Паллада”» Гончарова,³ а впоследствии – из житейских наблюдений.

На нашем пароходе все разнообразные жизни сливались в одну. Кто ехал продавать коринку,⁴ кто развлекаться, кто поправлять разрушенное роскошью столичной жизни здоровье. Вот молодая девушка. Она едет к жениху в Александрию. Целый корабль мечтаний и надежд составляют ее легкий багаж. Такой же корабль грез везу и я, направляясь к другой цели.

По вечерам, после обеда, кто-нибудь играл на пианино. Бессарабский помещик А. Э. Ф., внесший недавно щедрый дар на пользу искусства, часто мило импровизировал. Под его импровизацию хорошо было читать стихи. А то кто-нибудь показывал свое искусство в пении. Создавались незатейливые концерты, которые доставляли удовольствие. Ничего, что пианино было несколько расстроено, что играли не Гофманы, не пели Шаляпины, зато

слушали (так! – *Е. М.*), они же исполнители, чутко и хорошо были настроены и готовы были идти навстречу впечатлениям; никого не надо было выводить из безразличия чрезвычайными усилиями искусства, затейливыми ухищрениями его, вытаскивать слушателей из этого безразличия, как тащат быков на аркане. Окружавшая природа и манившие дали, пребывание вне обычной деловой арены, оставшейся позади всех нас, настраивали гармонично. Все души сами носились (так! – *Е. М.*) навстречу звукам.

У всякого своя внутренняя жизнь. Каждый из нас оставил далеко каких-то людей, к которым невольно возвращается мысль. Один моряк при каждом удобном и неудобном случае цитирует своего «замечательного сынишку». Мальчику 9 лет. «Мой сын уже теперь понимает морское дело и страстно любит его». «Мой сын говорит...» – все повторяет моряк отец. «Мой сын говорит...» А сын этот говорит иногда неглупые вещи. «Мой сын говорит морскому валу: “Вот ты большой, а я маленький, а я тебя преодолею!”».

Собираются тучи... Зарница...

И в декабре месяце раздается гром...

На другой день теплая, ясная погода. Мы останавливаемся у какого-то островка. Здесь карантин. Здесь мы пробудем 5 дней. Чума Одессы и холера Константинополя должны за это время выветриться, уйти в пространство. Все рады сойти на берег. Спускается с корабля лодка, и несколько моряков, с матросом Морозовым в главе, с этим пароходным Фигаро, везут пассажиров к островку. Все одеты легко, по-летнему.

– На этом острове наши матросы при каждом рейсе реставрируют, подкрашивают старую заброшенную церковь, – говорит помощник капитана.

На острове пустынно. Греческая харчевня, карантинный дом и церковь. Островок весь зарос кустарниками. Какие-то луковичные растения с мясистыми листьями зеленеют между грудками камней. Две барышни, свежие, как розы, польские помещицы Киевской губернии, хозяйственно добывают с корнями эти растения. Им помогают кавалеры, преимущественно доктор, заменивший на два месяца лечение рабочих на шахтах лечением пассажиров на пароходе. Я тоже собираю зеленые ветви с целью послать листочки в холодный Петербург. Польки, не умевшие вначале и двух слов сказать по-русски и не желавшие, очевидно, их знать, хотя оне (так! – *Е. М.*) уроженки Киева, теперь произносят целые фразы, а русские ловко говорят «пшепрашам».⁵ О, как бы решили удовлетворительно польский вопрос,⁶ если бы Государственная дума вместо того, чтобы стоять на Таврической улице, вдруг унесла бы Родичева, Пуришкевича, Милюкова и Маркова-2 в далекое море под управлением первого встречного моряка...⁷

На этой кажущейся нам стоящей земле мы забываем все, что мы, в сущности, носимся в пространстве и участь всех нас так же тесно связана, как участь пассажиров на пароходе.

– Что это за остров?

– Это один из островков близ острова Саламина, который виднеется там.

В ожидании лодки, которая должна свезти нас с берега на пароход и которая только что ушла с другими пассажирами, мы садимся у харчевни.

Все греки с парохода приехали сюда с утра. Здесь они завтракали, велел сжарить на вертеле куски висящей тут же сырой говядины, пили чай и кофе; тут же они будут обедать.

Один из греков, сверкая белыми зубами, предлагает нам кофе и зовет слугу «Савву». Красивый молодой грек в феске, в довольно засаленной куртке и рубашке, хлопотливо бежит на зов. В ожидании кофе грек-пассажир рассказывает по-французски о положении вещей в Турции, о том, что теперь, при нововведениях, грекам еще труднее. Турция стала менее терпима, младотурки стали более националистами, чем старотурки. Повсюду вводят турецкий язык. Мы не можем учить собственную историю на своем языке...

«Это старая история», – подумала я, поднимаясь, так как лодка уже прибыла за нами. «И когда кончится эта история?!» – размышляю я.

Еще на пароходе разговаривая с греками по-французски, я удивлялась, что они так хорошо говорят на этом языке. «У нас есть школы французские и итальянские». – «А русские?» – «Русской школы нет!»

Греки никогда не узнают Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого... Не узнают, как хорош русский язык в устах великих. То же и в Константинополе. На турецком языке есть некоторые переводы классиков Лебедевой.⁸ На греческом есть ли? «У нас читали в Афинах лекцию о Толстом по случаю его смерти, – сказал мне один грек. – Очень интересно! *Quel grand génie vous avez perdu*»,⁹ – заметил он.

За обедом я спрашиваю вновь название острова, который виднелся вдали. – Саламин.

– Саламин, Саламин, что-то знакомое... Дай Бог памяти. Вспоминаю. Припоминаю Иловайского. Да, да... «Саламинская битва!» – восклицаю я радостно. Да, ведь тут происходила Саламинская битва. Кто-то с кем-то дрался. Кто-то одержал победу, кто-то понес поражение. Да, персы... персы сражались с греками. Фемистокл¹⁰ – грек, а перс? Какой царь?..

Пришел мой спутник и сказал: – Ксеркс.¹¹ – Да, да. Ксеркс, Ксеркс. А в котором году?

Нашелся год! Слава Богу.

Мой спутник показал гору, на которой на троне сидел Ксеркс.

– Да, да, Ксеркс, – восклицали с разных концов, когда обед кончился.

«Ксеркс сидел на троне и наблюдал за битвой», – продолжал перс.

И предо мною ясно развернулась вся картина. Привыкшие к победам персы бросились с своим многочисленным флотом в узкий морской проход на маленький народ. Они думали, верно, что греки – это макаки какие-то; посмеют ли они?.. А маленький народ вооружился мужеством, отвагой, любовью к родине и презрением к смерти и уничтожил флот победоносных персов по мере его появления, т. е. по порядку. Суда, находившиеся в хвосте, поздно узнавали о поражении первых. Ксеркс, говорят, удрал со своей обсерватории.

Боже мой, почему так плохо все знают историю? Столько образованных людей было на пароходе, и насилу, насилу восстановили события, и то потре-

бывалась помощь широкой памяти бехаида; правда, он был перс и его близко касалось это дело. Бехаиды отлично знают историю всех войн и в каждой такой истории находят доказательство, что война никому не была нужна и ни к чему не привела. У Саламина победили греки, а греков победили потом римляне, а римлян – галлы и т. д.

В один прекрасный вечер, во время стоянки, пассажиры просили меня порассказать им, что такое эти бехаиды, и я исполнила «желание публики».

Я читала ту полуторачасовую лекцию, которую я обычно читала в Петербурге в Обществах и Публичных залах. Читала перед совершенно необычной публикой, состоящей из различных народностей. Это было поистине интернациональное собрание. Все пассажиры парохода были налицо. Собрались пассажиры и 3-го класса, были некоторые и 4-го, а также свободная пароходная прислуга. Это было, некоторым образом, событие на пароходе – лекция, да еще читаемая женщиной! Мне казалось, что никогда меня еще не слушали с таким вниманием. Лекция эта моя называлась «Бабизм и поэма “Баб”». Вместе с пояснением исторического характера о движении я указывала, как я воспользовалась событиями в моей поэме, и читала выдержки из нее.

Поднимая глаза с листов – я встречала устремленные на меня взоры и соотечественников и, что особенно удивительно, иностранцев, – вдумчивые, полные интереса и внимания, интереса, которому, быть может, способствовало присутствие перса – этой живой иллюстрации к ней.

Мне казалось, я никогда еще не читала с таким чувством, как тогда, и голос мой никогда так сильно не звучал, сияясь доходить до самых задних слушателей, переполнявших балкон залы.

Когда кончилась лекция, ко мне подошла группа иностранцев. Один из них сказал: <чрзб>. ¹² «Это должно быть очень интересно, что вы говорили». И я уже очень вкратце рассказала им содержание читанного.

Мой рассказ вызвал в них живой интерес; и они стали относиться с особенным вниманием к моему спутнику.

Мне припоминается аналогичный случай, хотя далеко не подобный, когда мне пришлось читать эту мою лекцию по-русски в германском курорте, в Кранце, на которой присутствовало много немцев, пришедших посмотреть на русскую поэтессу и послушать ее. Немцы, к моему удивлению, тогда слушали тоже с величайшим вниманием, хотя и не понимали ничего.

Лекция эта устроилась по инициативе русских студентов, которые, узнав о моем приезде, просили меня участвовать в концерте в пользу одного <ак> н<азываемого> «политического». Я предпочла, вместо участия в концерте, прочесть мою лекцию о «Бабизме и поэме “Баб”», герое, пострадавшем за идеи... любви и мира.

Каждый вечер греческий доктор приходил играть в карты. Накануне приятия в Афины дамы делали попытку склонить его к отступлению от строгих правил и отпустить нас раньше на берег. Но он казался непоколебимым даже перед дамскими чарами. Особенно проявляли нетерпение обе польские сестры, которые должны были выйти в Афинах, где их ждали родственники.

Глава VIII

В водах Афин. – Что говорят мне лица греков и памятники Афин. – Что говорит «русский гид» о памятниках. – Былое Греции. – Поднимаю обломок белого мрамора в Акрополе. – «Касался кто тебя своей пятой». – Вид города с Акрополя. – Что я видела у подошвы Акрополя. – Театр Дионисия. – Я сажусь на одно из кресел театра. – Тюрьма Сократа. – Отъезд из Афин. – Снова в море. – Что мне говорили об удалявшейся от нас Турции.

Наконец мы в водах Афин.

Греция, Афины, Акрополь, Олимп, Сократ. Элевзинские празднества. Жрецы, жрицы, Фемистокл. Персидские войны. Александр Македонский, его доктор, отравы. Вот, вот... борьба за независимость... Эзоп, Байрон. Его смерть. Все эти имена, обрывки истории вихрем несутся в моей памяти. Прошлое врывается в настоящее: греческие губки, коринка, вино, молодые греки, едущие в Америку и везущие туда дорогие шкурки соболей и интересующиеся, что стоит мой беличий воротник... довольно дрянной, впрочем.

Я с особенным любопытством теперь вглядываюсь в лица всех этих греков, мужчин, женщин, детей и думаю: «Да! Это все-таки потомки героев. Ведь и прежде продавали коринку и губки, и тем не менее... на площадях вешали философы, пели поэты, на холмах строились храмы, развалины и поверженные колонны которых до сих пор изумляют и говорят так красноречиво о прошлом величии народа, о великом вкусе, об изумительном искусстве, о душах, стремившихся к радостному слиянию с солнцем, с природой, с богами, жившими не так далеко, как боги других народов, там, где-то на небесах. Они были тут, вблизи, все эти красивые боги и богини Греции, они смешивались с жизнью людей, становились людьми, а люди богами».

Что говорил гид, «изъяснявшийся по-русски» и водивший нас, пассажиров, по Акрополю, останавливаясь то тут, то там, – я не слыхала, я сама уходила в далекую старину, сама заглядывала под завесу прошлого, за которою, как в кинематографе, мимо меня мелькали картины разных эпох без всякой последовательности. В то время как гид говорил: «А что касается до того, что эти фрески были увезены англичанами, а вместо ними помещенными (так! – *Е. М.*) оказались другие», – я думала о том, что было причиной падения Эллады, что было причиной разрушения этих великих образцов искусства, этих чудных храмов, этих великолепных крепостных стен, вызывающих и в виде развалин изумление и привлекающих к Греции сотни тысяч путешественников со всего мира. Вспомним страницу истории: «Геродот скорбел за Элладу, которой недостает единодушия даже в дни угрожавших всей Элладе опасностей».

Предание приписывает Периклу попытку примирить между собою все эллинские государства. И Сократ и Демосфен зывали не раз к объединению эллинов в борьбе с персами и Македонией. Аристотель говорил об объединении раздробленных эллинских государств, что дало бы преобладание Греции над другими народами. Однако ни убеждения мудрецов, ни предсказания Полибия о покорении Греции римскими легионами не помогли... Взаимная

вражда ячеек, составлявших Элладу, и взаимная вражда граждан за клочки благополучия подточили основы всей страны и успешнее варварских рук и стихийных бедствий потрясли эти храмы и здания, обломки которых мы теперь попираем ногами...

Вот тут учил Платон непреходящей любви, той любви, которая не знает ни измен, ни разочарований, до сих пор еще неведомой... там ученик его Аристотель, ставший сам великим учителем, в тени аллеи открывает восхищенным слушателям новые горизонты мысли.

«Гид», высокий и сухой, с длинными ногами, быстро переходит между мраморных, уцелевших и поверженных колонн, белых и чистых, и что-то говорит, говорит... За ним гуськом идут пассажиры, пожелавшие русского гида: уже упомянутый любознательный помещик с красивой женой, две польские барышни-сестры, доктор, москвички – три сестры с мужем одной из них, жены судового начальства и я с моим спутником и др. Я едва поспеваю за компанией. Не приспособленная для путешествий обувь мешает мне идти по каменистым дорожкам и поломанным мраморным плитам. Я поднимаю кусок мрамора на память о моем пребывании «в Акрополе», о котором я учила в учебнике всеобщей истории и все же не имела никакого представления, хотя получала круглые высшие баллы когда-то... Вот он лежит, этот обломок, на моем столе. Я гляжу:

Касался кто тебя своей пятой,
Скажи, скажи мне, мрамор белый?
То был герой, мудрец или раб простой?
Иль жрица чистым телом
Коснулася тебя, свои мольбы
Неся к лазоревому небу?
Иль в пламени неистовой борьбы
За очаги, за крохи хлеба
Тебя волной омыла чья-то кровь?
Коснулся кто тебя устами?
Слетала с них крылатая любовь,
Маня душистыми цветами?
Иль змеями проклятия слова
Сползали с них, неся Элладе
Паденье, смерть?.. Народная молва
О казни злой или награде
Коснулася тебя? Молчишь, молчишь...
О, белый камень!
И гнева и восторгов пламень
Ты от меня в себе хранишь!
Иль ничего не хочешь мне поведать?..
Иль слышать не могу тебя?..

Я отхожу от товарищей и гляжу на расстилающийся передо мною вид города с окаймляющей его, точно лентой, полосой моря. Сюда нынешние потомки древних греков или плененных ими рабов – приходят в летние вечера

дышать воздухом и вспоминать, быть может, о былом, и мечтать, быть может, о будущем, или просто отдыхать от дневных печалей и тревог. И весь этот мрамор еще не расхитили, думается мне, и не сделали это место еще кафешантаном, свалкой мусора, как часто делают у нас с памятниками старины. Кто мог столько веков сохранить эти остатки былого величия, несмотря на все, – тот наверно достоин этого величия, над тем оно простирает свои лучи.

Я подхожу к остатку одной из стен. Гляжу прямо вниз. К самой подошве холма Акрополя прилип ряд домиков, в которых ютятся, вероятно, беднота, как везде, вдали от торговых частей города. Один из домиков небольшой, точно кукольный, дворик его как на ладони. В нем копошатся маленькие дети, струится какая-то новая жизнь. Мне представился надломленный грозю ствол, почти засохший, но внизу у корней пошли нежные зеленые побеги. В годы величия Афин, когда в храме Афины Паллады совершались моления в честь богов, когда по ступеням храма всходила процессия жриц с жрецами во главе – там внизу жили горшечники, производители той керамики, которая ценится теперь на вес золота.

Поднимается ветер, сгоняющий тучи, приходится кончать обзор этих памятников былой Греции, живописной Греции, ясной и прекрасной. Вот здесь судили на открытом воздухе под открытым небом, перед зеркалом самой природы, при свете солнца, лившего свои лучи непосредственно на головы судей и судимых, не в пыльных комнатах, в которых остающиеся следы слез и образ Спасителя все же не располагают к милосердию...

Внизу былой театр Дионисия, бога вдохновения, тоже на открытом воздухе, тоже под куполом небесного свода изображались трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида... Амфитеатром идут места. Путешественники иногда садятся на одно из уцелевших мест. И я сажусь на одно из каменных кресел театра в честь Дионисия.

Кстати, вот и букет бледно-розовых роз, который мои добрые спутники поднесли мне по дороге к Акрополю... в знак внимания за чтение... Я держу букет в руке и мысленно посвящаю его памяти Реги<л>лы – супруги учителя риторики Ирода Аттики,¹³ который кроме знаний обладал еще громадными богатствами, давшими ему возможность уделять часть их на великолепные дела. Он украсил стадион, он же построил и театр Одеон – в память любимой им жены Региллы...

Здесь представляли эти бессмертные трагедии, которые надолго еще останутся прекраснейшими образцами для всех грядущих драматургов. А здесь располагались слушатели... Они умели слушать, те славные греки, которые умели и говорить и умирать. Потому, быть может, были у них и Софоклы, и Еврипиды, и Эсхилы...

– Вы хотите видеть тюрьму Сократа? – спросил меня мой спутник, и, бросив красноречивого гида, мы ушли в сторону и отправились к месту, где был заточен мудрец.

А вот идет длинноногий гид и что-то болтает идущим за ним путешественникам о мудреце...

Хоть солнце ярко так и в древности светило
С небесной высоты,
Но и небесное светило
Не в силах было
Весь мрак прогнать из пустоты
Умов и греков славных,
И заточили мудреца...

Тюрьма представляет собою пещеру, высеченную в скале без окон, с каменным полом, в которой едва можно встать и растянуться. В то время мудреца охраняла бдительная стража, помещавшаяся рядом, а теперь тюрьма эта, в которой мудрец томился и кончил свою жизнь, охраняется добродушной женщиной, ревностно собирающей за осмотр мзду.

Насмешка времени. Те времена далече,
Когда угас Сократ,
Когда его умолкли речи,
Когда в тюрьме он выпил яд, –
А все ж теперь им тешатся зеваки...
За мудрые слова – достались мудрецу
Тюрьма и смерть, о мудреце за враки
Мы платим золотом глущу,
Их разносящему зевакам то и дело.
Своею смертью смелой
Мудрец Сократ
Уж сотни крат
Приносит жизнь людишкам,
Что точно червяки им кормятся с излишком.
Прошло немало сотен лет –
Несутся все еще здесь речи о Сократе!..
Как хорошо, скажу я кстати,
Что мудреца теперь уж нет –
Он вновь бы умер от отравы,
Он отравился бы по доброй воле сам,
Когда б увидел он – о, стыд, о срам, –
Что служит для забавы
То место, где за мысли он угас...

Перед тюрьмой теперь раскинут сад из стройных кипарисов и других деревьев благословенной страны. Темнеет, и мы покидаем места, где происходили самые трагические бои греков с другими народами и между собой, места, где разыгрывались трагедии духа, где рождались создания фантазии и искусства...

Мы возвращаемся к пароходу по улице, осененной по обеим сторонам тенистыми деревьями, мчимся мимо зданий прекрасной архитектуры новейших времен, но все в благородном стиле древних. Нет ни одного здания с изгибами модернизма, уже значительно надоевшими. Вот мы проезжаем мимо грандиозного стадиона, ныне вновь восстановленного, в котором предусмотрено воскресить бывшие олимпийские игры. Глядя на это здание, построенное по образцу древнего стадиона, я думаю об удалившейся от меня Турции.

Не ненависть греков к ней может ее победить, думаю я, а скорее побежденный ею античный мир, лежащий в прекрасных обломках на земле и стремящийся вырваться из-под земли, на которой стоит Константинополь, чтобы влить древний дух красоты и мудрости в нынешние поколения древней Эллады...

На этом месте оканчивается описание моего путешествия, которое мне удалось сделать сейчас после моего приезда в Петербург. Затем жизнь оторвала меня от этой работы, и только теперь, в 1913 г., я разобрала все, что было мною написано. Я вновь переживаю пережитое, быть может, еще с новой силой. Совершившиеся события, пронесшиеся по местам, мною посещенным, дали еще больший рельеф былым переживаниям и сопровождавшим их мыслям. Путешествие – что и пьеса. Иную пьесу более чувствуешь в тиши своих стен по возвращении из театра после того, когда блеск театральной залы, настроение толпы, даже сама игра актеров – врываются в вашу душу, меняя ее строй, и мешают сосредоточиться вашей мысли на самой пьесе. Теперь, когда мелочи путевой жизни меня не тревожат и я могу смотреть на прошлое уже с прибавившимся опытом – оно выступает из дали яснее и выпуклее.

В моих записках нет более заметок после отъезда из Афин... Я натрудила большую ногу при обзоре Акрополя и не могла выходить на палубу. И потому проезжаю по Мраморному морю, лежа в каюте... Остановка: остров Кипр. Сюда был сослан любимый брат Беха-Уллы,¹⁴ который изображен в моей трагедии.

Я проехала мимо тихих островов, которые вскоре огласились рокотом пушек, сливавшимся с тем рокотом моря, к которому в тиши каюты я прислушивалась, стараясь угадать его таинственные речи. Только сквозь люк каюты я видела бирюзу его несущихся на корабль волн.

Теперь, после пронесшейся над Турцией беды, войны с Италией, мне ясна характеристика «нынешнего положения» этой страны, о которой среди других бесед мне приходилось слышать в своеобразных речах встречавшихся мне знатоков Востока и политиков.

«Турция погибает, Турция уже погибла, если от Портсмутского свидания ей не будет пользы.¹⁵ Внутри ее бунты. То поднимаются албанцы, то друзья, то волнуются болгарские четы. Для усмирения волнующихся нужны деньги, а денег нет. Доходы от почты, от таможи, от акциза она повесить не может, – этому препятствуют соседние правительства. Для борьбы с этими препятствиями нужны силы. Для силы нужны деньги. А денег нет. Подданные ее неграмотны. Путей сообщения нет. Богатые руды минералов лежат под землей. Торговля в застое. Для поднятия жизни нужны деньги, а их нет. Сближение Англии с Россией невыгодно для Турции, ибо в случае разделения Персии Турции пришлось бы держать, вместо нынешнего одного или двух караулов, целые дивизии и строить крепости. На это нужны были бы деньги, а денег нет. Но самое главное, для поддержания внутреннего спокойствия, для упорядочения и содержания военной силы нужны деньги, а их нет. Поэтому, в какой город ни поедешь, куда ни взглянешь, везде чувствуешь отсутствие хозяина. Улицы не освещены, грязны, народ вас обирает на каждом шагу. Никакой полиции нет. Что кто хочет, то и делает. Пешкешем¹⁶ вы можете закрыть полиции

глаза, чтобы она ничего не видела. Подданные Турции обижены, некому их защищать. Недовольство растет с каждым днем. Для введения в государстве порядка нужны деньги, а их нет».

На назидательной и для нас картине положения Турции я закончу эту часть беседы, эту главу.¹⁷

¹ См.: *Гриневская И. Беха-Улла* (Блеск Божий): Поэма-трагедия в стихах (из истории религиозных движений в Персии). В 5 д. и 6 карт., с эпилогом. СПб., 1912.

² «*Être plus royaliste que le roi*» – «Быть большим роялистом, чем сам король» (*фр.*).

³ *Иван Александрович Гончаров* (1812–1891) – писатель, литературный критик и публицист. С октября 1852 г. по август 1854 г. он участвовал в экспедиции вице-адмирала Е. В. Путятина; побывал в Англии, Южной Африке, Малайе, Китае, Японии. Впечатления от путешествия составили цикл очерков «Фрегат “Паллада”», печатавшихся в журналах (1855–1857); отдельно изданы в 1858 г.

⁴ *Коринка* (новогреч. karanti от Karinthia – город Коринф) – род мелкого изюма без зернышек, черного цвета.

⁵ *Пишепрашам* (польск. przepraszam) – извините.

⁶ С 1795 г. Польское государство постепенно теряло свою независимость. Начало этому дали три раздела некогда мощной Речи Посполитой (между Россией, Австрией и Пруссией). После разгрома Наполеоном Пруссии и заключения Тильзитского мира (1807) Франции отошла часть польских земель, принадлежавших Пруссии и Австрии; Наполеон создал вассальное по отношению к Франции государство – Герцогство Варшавское. После изгнания армии Наполеона из России русская армия заняла в конце февраля 1813 г. почти все Герцогство. *Польский вопрос* был одним из самых важных на Венском конгрессе (1814–1815), в ходе которого были определены новые границы государств Европы наполеоновских войн. По его итогам большая часть Великого герцогства Варшавского (под именем Царства Польского) была присоединена «на вечные времена» к Российской империи. Польский вопрос (внутриполитический в понимании царского правительства) был неразрывно связан с борьбой с национально-освободительным и революционным движением. Поляки, разделенные границами трех государств, по-прежнему чувствовали себя единым народом, сохранившим историческую память о бывшей великодержавной государственности, что вызывало раздражение властей.

⁷ Можно предположить, что И. Гриневская, сочувствуя идеям польской автономии, считала упомянутых членов Думы приверженцами «реакционного» подхода в данном вопросе. Пуришкевич и Марков 2-й имели крайне консервативные взгляды. Миллоков и Родичев, напротив, слыли изрядными либералами; впрочем, возможно, в то время они были для Гриневской недостаточно либеральны в польском вопросе. Если ее высказывание относится к периоду с 1908 по 1912 г., то оно вполне может быть связано с так называемым законопроектом о Холмщине (создании из частей Люблинской и Седлецкой губерний, с преимущественно малороссийским населением, новой Холмской губернии). Этот законопроект был воспринят многими как национально-административное размежевание и, следовательно, предпосылка к грядущему дарованию полякам автономии или даже (в перспективе) независимости. Проект вызвал бурное обсуждение как в Думе, так и в общественных кругах (и польских, и русских). По всей вероятности, упомянутые деятели в ходе этого обсуждения критически высказывались о перспективах польской автономии, чем вызвали неудовольствие Гриневской.

⁸ *Ольга Сергеевна Лебедева* (1854 – после 1915) – российский переводчик и востоковед; владела в совершенстве фр., нем., англ., осман., араб, перс. и другими яз.; великолепно играла на пианино и рисовала. На Востоке Лебедева была известна под именем Гюльнар. «Лебедева Ольга Сергеевна – писательница. <...> перевела с русского на турецкий ряд произведений Лермонтова, Пушкина и Толстого, с арабского на французский “Voyage d’un arabe” и др., с персидского на русский “Кабус Намэ”, с греческого на русский “Старец Евстафий, вос-

питательная книга Льва Мелоса” (Старец Евстафий, или Воспоминания моего детства / соч. Льва Мелоса. СПб., 1898; 2-е изд., 1899. – Е. М.). Другие труды: “Краткая история русской литературы”, “Histoire de Kasan”. Лебедева – основательница и председательница Русского Общества Востоковедения. И<забелла> Г<риневская>» (цит. по: Русский биографический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulex.ru/01120134.htm>).

⁹ «*Quel grand génie vous avez perdu*» – «Какого большого гения вы потеряли!» (фр.).

¹⁰ *Фемистокл* (ок. 525 – ок. 460 до н. э.) – афинский государственный деятель и полководец; сыграл решающую роль в руководстве афинским флотом во время похода Ксеркса I, особенно в морской битве при Саламине (480 до н. э.).

¹¹ *Ксеркс I* (ок. 519 – 465 до н. э.) – царь государства Ахеменидов с 486 г. до н. э. В 480–479 гг. возглавлял поход персов в Грецию, окончившийся их поражением.

¹² От времени выцвели чернила. Видимо, была вписана фраза: «Cela doit être très intéressant, ce que vous avez dit» (фр.).

¹³ *Ирод Аттика* – Ирод (Герод) Аттик (101–177) – знатный афинянин, великолепный оратор. В 139 г. Ирод Аттик женился, ему было 40 лет, его жене *Регилле* – 14. Она тоже была из богатого знатного рода. Супруги некоторое время жили в Италии, затем переехали в Грецию. Имея собственное значительное состояние, Регилла, как и ее муж, не жалела денег на благотворительность, ее подарок Греции – монументальный фонтан в Олимпии.

¹⁴ Мирза Йахйя (Субх-и Азаль) – младший брат Бахауллы по отцу, который «был выращен матерью Бахауллы и воспитан самим Бахауллой», но выступил «во главе движения, противодействовавшего брату» (цит. по: *Иоаннесян Ю. А.* Вера бахаи. СПб., 2003. С. 56).

¹⁵ Возможно, это намек на Портсмутский мирный договор между Россией и Японией (23 авг. (5 сент.); конференция в Портсмуте, США), завершивший Русско-японскую войну (1904–1905), которая возникла в обстановке усилившейся борьбы этих держав за раздел Китая и Кореи. Несмотря на успехи, достигнутые в период военных действий, Япония начиная с июля 1904 г. через Англию, Германию и США пыталась склонить Россию к переговорам о мире, так как продолжение войны грозило ей финансовым крахом и внутренними волнениями. Мирных переговоров добивались также США, Англия и Франция, опасавшиеся окончательного поражения России и связанного с этим усиления позиций Германии в Европе и Японии на Дальнем Востоке. «Японская война произвела порядочную пертурбацию в финансах Европы, а потому весь денежный мир желал, чтобы война кончилась» (цит. по: *Bumme С. Ю.* Глава 27. Портсмутский мир // *Bumme С. Ю.* Воспоминания. Царствование Николая II: в 2 т. Т. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/B/vitte-sergej-yuljevich/vospominaniya-tom-2/28>).

Видимо, те «знатоки Востока и политики», которых упоминает писательница, считали, что маловыгодный для России договор, зафиксировавший ее поражение в войне, знаменует собой ослабление России на мировой арене, а поскольку Россия тогда была главным геополитическим соперником Турции, такое ослабление давало Турции теоретический шанс на упрочение собственного положения.

Однако вероятно, что была допущена описка автора или ошибка машинистки и следует читать не «от *Портсмутского* свидания», а «от *Потсдамского* свидания ей (Турции. – Е. М.) не будет пользы» – от встречи Николая II с Вильгельмом II в Потсдаме (ноябрь 1910 г.), посвященной урегулированию отношений между Россией и Германией. Устно договорились, что Россия не будет поддерживать враждебную политику Англии по отношению к Германии, а Германия не будет поддерживать агрессивные намерения Австро-Венгрии на Балканах. Переговоры России с Германией вызвали тревогу в Лондоне и Париже, где опасались изменения внешнеполитического курса России. Российская сторона уклонилась от заключения политического договора, предлагая ограничиться урегулированием спорных вопросов обоюдных экономических интересов в Иране; она настояла на исключении из договора пункта о неучастии России во враждебных Германии союзах. Окончательный текст Потсдамского договора был подписан 6 (19) авг. 1911 г. в Петербурге. Германия обязывалась не домогаться

концессий в Северном Иране (русской зоне влияния) и в приграничной с Россией турецкой территории, а Россия – не препятствовать сооружению линии от Багдадской железной дороги (г. Ханекена) до Тегерана.

В любом случае Турция находилась в исключительно тяжелом положении в 1912 г., в конце Итало-турецкой войны (известной в Италии как «Ливийская война», а в Турции – как «Триполитанская война») (29 сент. 1911 г. – 18 окт. 1912 г.). Тогда Турция не только потеряла Ливию, но одновременно подверглась нападению коалиции балканских государств. Первая Балканская война (25 сент. (8 окт.) 1912 г. – 17 (30) мая 1913 г.) началась еще до окончания Итало-турецкой войны, что привело впоследствии к утере почти всех владений Турции в Европе и едва не вызвало распад Турецкой империи как государства.

¹⁶ *Пешикеш* (пишкеш) – дар, подарок; здесь: подношение с целью дачи взятки.

¹⁷ Продолжение следует.

Библиографический список

1. *Гриневская И.* Баб: Драматическая поэма из истории Персии. В 5 д. и 6 карт. СПб., 1903.
2. *Гриневская И.* Баб: Драматическая поэма из истории Персии. В 5 д. и 6 карт. 2-е изд. Пг., 1916.
3. *Гриневская И.* Беха-Улла (Блеск Божий): Поэма-трагедия в стихах (из истории религиозных движений в Персии). В 5 д. и 6 карт., с эпилогом. СПб., 1912.
4. *Гриневская И. А.* «Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб., 2017. С. 434–491.
5. [И. Г.] Лебедева О. С. // Русский биографический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulex.ru/01120134.htm>
6. *Иоаннесян Ю. А.* Вера Бахаи. СПб.: «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2003.
7. *Митник Е. А.* Неизвестные материалы Изабеллы Гриневской: «Путешествие в Края Солнца» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 246–267.